

Организационно-правовые основы аграрной реформы в СССР в 1980-х – начале 1990-х гг.

С. С. Козлов

Мурманский арктический государственный университет,
Мурманск, Российская Федерация

В статье с историко-правовых позиций рассматриваются вопросы, связанные с реформированием аграрного сектора и обеспечением продовольственной безопасности СССР.

Проанализированы нормативно-правовые акты, затрагивающие правовые отношения в сфере проводимой в 1980-х – начале 1990-х годов аграрной политики. Рассмотрены причины, по которым мероприятия по интенсификации сельскохозяйственного производства не были доведены до конца. Отмечено, что в сфере аграрно-правовой политики, как и в большинстве сфер в рассматриваемый период, важную роль играли решения партийных органов, оформляемые иногда совместными постановлениями Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров СССР, что характеризует особую роль Коммунистической партии в механизме советского государства.

По итогам исследования делается вывод о том, что исторический опыт нашей страны в рассматриваемый период, генетически связанный с последующей историей российского государства, может служить основой для выработки научно обоснованного, комплексного подхода к реформированию отечественных отраслей агропромышленного сектора в условиях экономических санкций против России.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, аграрно-промышленный комплекс, Коммунистическая партия.

Для цитирования: Козлов С. С. Организационно-правовые основы аграрной реформы в СССР в 1980-х – начале 1990-х гг. // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 2 (72). – С. 46–73. DOI 10.35231/18136230_2023_2_46

Organizational and Legal Foundations of Agrarian Reform in the USSR in the 1980s – Early 1990s

Sergey S. Kozlov

Murmansk Arctic State University,
Murmansk, Russian Federation

The article examines issues related to the reform of the agricultural sector, as well as the peculiarities of food security of the USSR from historical and legal viewpoints.

The normative legal acts related to legal relations in the sphere of agrarian policy carried out in the 1980s – early 1990s are analyzed. The reasons, why the measures to intensify agricultural production were not completed, are considered.

It is pointed out that, the decisions made by party organs and published sometimes as joint resolutions of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and the Council of Ministers of the USSR, played a main role in the sphere of agrarian and legal policy, as in the most of other spheres during the period under consideration, indicating the special role of the Communist Party in the mechanism of the Soviet state.

As a result of the study it is concluded that the historical experience of our country in the period under consideration, genetically connected with the further history of the Russian state, could serve as a basis for developing a scientifically sound, comprehensive approach to reforming domestic branches of the agro-industrial sector under economic sanctions imposed against Russia.

Key words: agriculture, agrarian policy, agriculture, agricultural and industrial complex, Communist Party.

For citation: Kozlov, S. S. (2023) Reformirovanie agrarnogo sektora v SSSR v 1980-h – nachale 1990-h godov [Reforming of the Agricultural Sector in the USSR in the 1980s – Early 1990s] *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (72). Pp. 46–73. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2023_2_46

Введение

В конце эпохи Л. И. Брежнева ряд отечественных и зарубежных ученых, анализирующих развитие ситуации в СССР, были убеждены, что советская социально-экономическая ситуация утратила динамизм, неэффективна, но внешне стабильна [2; 19; 31]. Созданный в конце 1950-х годов промышленный потенциал, напряженные отношения с Западом стимулировали повышение доли отечественного оборудования в оснащении строящихся объектов. Основная часть инвестиций направлялась не на развитие сельскохозяйственного комплекса, а на строительство крупных строительных объектов, например, таких как животноводческие комплексы, ирригационные системы. Многие проекты, в которые вкладывались значительные ресурсы, оказывались либо малоэффективными, либо бессмысленными. Характерный пример – мелиоративное строительство. По объему капитальных вложений эта отрасль опережала легкую промышленность.

В 1986–1990 годах для нужд мелиоративного строительства предполагалось произвести 35 тыс. экскаваторов, 32 тыс. бульдозеров, 10 тыс. тракторов типа К-700, 4,4 тыс. тракторов тяглого класса 10 тонн и выше, 22 тыс. скреперов, 6,3 тыс. автомобильных кранов и т. д. [15; с. 93–97]. Редакция центральных и местных газет, Государственному комитету по телевидению и радиовещанию, Государственному комитету по кинематографии было поручено обеспечить освещение достижений в мелиоративном строительстве и эффективности мелиорации в СССР в печати, средствами кино, радио и телевидения. Результаты этой колоссальной деятельности были скромными. С течением времени объемы выходящих орошаемых и осушенных площадей почти сравнялись с объемами вводимых [10; л. 23–24].

Реальностью советской экономики были острые экологические проблемы. Пример этого – многолетнее и масштабное использование в СССР ДДТ даже после того, как он был запрещен в развитых странах. Программа массового применения пестицидов в советском сельском хозяйстве – характерное отражение устройства советской экономики [32; с. 271–281]. После подписания соглашения о запрещении химических вооружений надо было использовать созданные в 1940–1950-х годах мощности по его производству. Жертвами пищевых продуктов, содержащих ядохимикаты, оказались десятки миллионов человек. Все это сказалось на состоянии здоровья населения, повлияло на демографическую ситуацию в стране на десятилетия вперед, но краткосрочных угроз стабильности режима до начала 1980-х годов эти проблемы не создавали.

Командная система в том виде, в котором она была сформирована в 1930–1950-х годах, действенна до тех пор, пока опирается на массовый страх, угрозу жестких санкций, распространяющихся на все общество. После 1953 г., когда пронизывающий общество ужас перед репрессиями отступает, действенность традиционных социалистических методов управления снижается.

Алкоголизация населения СССР, которая с начала 1960-х годов привела к снижению средней продолжительности жизни мужчин, шла на фоне сочетания худших черт потребления спиртного в городе и деревне, в село проникли городские стереотипы алкогольного поведения: характерное для деревни эпизодическое (в основном по праздникам) потребление алкоголя приобрело повседневной характер. В городскую культуру были принесены традиции многолюдного длительного застолья со скандалами и драками. Доля алкоголя, потребляемого в социально контролируемых местах (кафе, ресторанах,

барах), в СССР в 1984 г. составляла 5,5 %, тогда как в развитых странах 50–70 %. Укоренилась традиция пить на улице. Это увеличивало вероятность правонарушений в 2,3 раза. За 20 лет душевое потребление спиртных напитков выросло в 2,2 раза, количество правонарушений на почве злоупотребления алкоголем – в 5,7 раз, число больных алкоголизмом – в 7 раз [13, с. 29]. Примерно 90 % прогулов было связано с пьянством. В 1986 г. число алкоголиков, находящихся на наркологическом учете, составляло в СССР 4 млн. человек. Через медвытрезвители ежегодно проходило около 9 млн. человек [13, с. 30].

Падает уровень плановой дисциплины. Эффективность коммунистической идеологии к этому времени была подорвана. Руководство страны воспринимало привычные идеологические формулы и лозунги как унаследованный ритуал, который приходится соблюдать. Общество либо не замечало их, либо использовало как базу для бытовых анекдотов. Линия на интеллектуализацию коммунистического руководства, проводившаяся на протяжении десятилетий, к концу 1970-х годов воплотилась в формирование геронтократического и неспособного к принятию осмысленных решений Политбюро ЦК КПСС.

Во второй половине 1980-х годов продовольственное снабжение крупных городов снова стало ключевой проблемой экономической политики. От ее решения зависела судьба страны. Снабжение городского населения в условиях социалистической экономики зависит от государственных заготовок сельскохозяйственной продукции. Роль механизмов, включающих рыночные элементы, – колхозного рынка, потребкооперации – в снабжении населения крупных городов ограничена. Продовольственное снабжение городов в последующие десятилетия Советской власти – ключевая тема экономико-политических дискуссий.

В 1963 г. низкий урожай, сокращение государственных резервов зерна заставляют советское руководство принять решение о его массовых закупках за границей. На эти цели было выделено 372,2 т. золота – более трети золотого запаса СССР. Становится ясно, что закупки зерна за границей – закономерный результат непреодолимого в рамках избранной модели управления экономикой кризиса сельского хозяйства. В 1965 г. советское руководство вынуждено направить еще 335,3 т. золота на финансирование закупок продовольствия. К началу 1970 г. экспортно-импортные операции с сельскохозяйственными продуктами в СССР были еще более или менее сбалансированными. К началу 1980-х годов превышение импорта над экспортом этих товаров составило более 15 млрд. долл. Импорт зерна, других видов продовольственных товаров, потребление которых в Советском Союзе увеличивается, колеблется по годам в зависимости от погодных условий, но в долгосрочной перспективе устойчиво растет [21, с. 654]. Переход СССР в 1960-х годах в положение крупнейшего нетто-импортера продовольствия создал для советского руководства трудноразрешимые проблемы. Они усугублялись тем, что Советский Союз никогда не создавал крупных резервов валюты, поддерживая их на уровне, достаточном для обслуживания текущего торгового оборота.

Руководство страны понимало угрозу, которую создает зависимость продовольственного снабжения от стран, рассматриваемых в качестве потенциального противника. Но и аграрный кризис, и неконкурентоспособность отечественного машиностроения были данностью. Советское руководство мало что могло сделать, чтобы решить накопившиеся в течение десятилетий проблемы. За период 1974–1984 годов затраты на 1 т прироста добычи нефти увеличились на 7%. Расходы на добычу топлива

с начала 1970-х до начала 1980-х годов возросли вдвое. Поток валютных ресурсов от продажи нефти позволил остановить нарастание кризиса продовольственного снабжения городов, увеличить закупки оборудования, потребительских товаров, обеспечил финансовую базу наращивания гонки вооружений, достижения ядерного паритета с США и позволил начать осуществление таких внешнеполитических авантюр, как война в Афганистане [29].

Аграрная реформа в СССР в 1980-х – начале 1990-х гг.

Анализ позволяет говорить о том, что в конце 1970-х начале 1980-х годов были заложены основы глубокого экономического кризиса в СССР, для управления которым требовались жесткие, точные и ответственные решения, понимание его природы, набор мер, которые можно и нужно предпринять, чтобы попытаться предотвратить крах экономики.

На таком фоне к руководству СССР приходит новый политический лидер, представляющий другое поколение политической элиты. Решение этих задач наряду с другими условиями потребовало выработки новой аграрной политики. Активные попытки скорректировать аграрную политику в этих направлениях были предприняты в майских партийно-правительственных решениях 1982 г. [14; с. 315–348], получивших концентрированное выражение в Продовольственной программе СССР на период до 1990 г. и мерах по ее реализации [14; с. 276–314.], развитых и углубленных XXVII съездом КПСС [15; с. 182–253].

При утверждении Продовольственной программы было заявлено, что она должна стать "важнейшей составной частью экономической стратегии партии на ближайшее десятилетие". М. С. Горбачев назвал ее "отправной точкой анализа состояния сельского хозяйства, всего аг-

ропромышленного комплекса", а также "огромной работой по социальному развитию села" [3, с. 302]. Продовольственная программа переломила характерную для 1970-х годов тенденцию медленного спада темпов прироста, переросшую в 1981 г. в общий спад сельскохозяйственного производства и стагнации показателей потребления продовольствия населением. Уже в первые два года осуществления этой программы валовое производство сельскохозяйственной продукции увеличилось на 11 % и, хотя в дальнейшем темпы прироста снизились, среднедушевое потребление продуктов в 1985 г. поднялось по мясу и рыбе до 78 кг, в том числе по рыбе до 17,7 кг, молоку – 318 кг, яйцу – 260 штук, овощам и бахчевым культурам – 106 кг, плодам и ягодам – 46 кг, картофелю – 110 кг, хлебу – 134 кг [26; л. 5–12.]. Больше стало строиться современного жилья, объектов культуры и быта. Улучшилось экономическое положение колхозов и совхозов [27; л. 11–17].

Примечательно, что после прихода к руководству сельским хозяйством и агропромышленным комплексом в целом других людей и до тех пор, пока сохранялась в основном социалистическая модель хозяйствования, темпы роста производительности труда в агропромышленном комплексе, в том числе в сельском хозяйстве, на первом этапе перестройки стали динамичнее [1; с. 205–223]. Неслучайно и то, что новый перелом в сельском хозяйстве, причем в худшую сторону, наступил тогда, когда его экономика подпала под либеральные импровизации, проводившиеся на этот раз уже не в отраслевом, а в более широком, охватывающем все народное хозяйство страны масштабе. Это либерализация в области организации и управления, утверждающая в советской экономике взамен плановости бесконтрольность и хаос. Это и разрушение системы ценообразования, и создание наряду с общегосударственным, социалистическим

рынком параллельного частного, смыкающегося с теневым, легализация последнего через законы Российской Федерации "О государственном предприятии (объединении)" (Закон СССР от 30 июня 1987 г. (с изм. и доп., внесенными Указом Президиума ВС СССР от 07.04.1989, Законом СССР от 03.08.1989) и "О кооперации в СССР" (Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI (в ред. Законов СССР от 16.10.89 № 603-1, от 06.06.90 № 1540-1, от 05.03.91 № 1997-1, от 07.03.91 № 2014-1, от 07.03.91 № 2015-1, с изм., внесенными Постановлением ВС РФ от 19.06.1992 № 3086-1; Федеральными законами от 08.12.1995 № 193-ФЗ, от 08.05.1996 № 41-ФЗ, от 15.04.1998 № 66-ФЗ). В итоге нарастающими темпами падала не только производительность труда, но и общая продуктивность сельского хозяйства. Соответственно, ухудшились все взаимосвязанные с этими ключевыми индикаторами благополучия любой экономики показатели данной отрасли. Несмотря на плачевные производственные результаты горбачевского руководства сельским хозяйством, господствовавшей в 1980-е годы тенденцией было последовательное опережение роста доходов аграрного населения по отношению к росту их у других слоев трудящихся, в том числе у рабочих промышленности.

Примечательно, что достигалось это отнюдь не за счет повышения доходов от личного подсобного хозяйства. В личном подсобном и домашнем хозяйстве, несмотря на последовательное увеличение механизированных работ вследствие помощи ему со стороны колхозов и совхозов, продолжает преобладать изнурительный, малопродуктивный, а потому малоодоходный ручной труд. Умножение доходов советских аграриев происходило ныне за счет опережающего роста выплат из общественных фондов потребления, и еще в большей степени вследствие повышения оплаты и стимулирования обще-

ственной и индивидуальной производительности труда. Так, в первой половине 1980-х годов среднемесячная оплата труда колхозников выросла на 60 %, тогда как в промышленности лишь на 43 % [20, с. 76]. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы.

Причиной тому было два обстоятельства. Во-первых, общей линией социалистического государства последних десятилетий стало стремление постепенно преодолеть всем очевидную и давно вызывающую социальное недовольство тружеников сельского хозяйства диспропорцию в оплате аграрного труда. Эта диспропорция сложилась в годы доминирования мобилизационной модели советской экономики, когда из-за отсутствия других источников финансовых ресурсов жизненно необходимая тогда стране индустриализация поневоле осуществлялась преимущественно за счет, как некогда неудачно выразился И. В. Сталин, своеобразной "дани" с сельского хозяйства. Во-вторых, нарастание темпов оттока сельских квалифицированных кадров в города вынуждало компенсировать порождавшие эту миграцию худшие социальные условия деревенской жизни более высокими темпами роста оплаты их труда [23–25].

В результате в период 1981–1989 годов на 12–15 % сократился в пользу деревни традиционный для нашей страны разрыв в материальном благосостоянии сельского и городского населения. Однако в последние годы горбачевской перестройки магистральная для послевоенных пятилеток тенденция к преодолению вышеназванного разрыва сменилась противоположной. В периодической печати акцент делался лишь на том, что в ходе перестройки обеспечен опережающий рост доли в бюджете колхозника удельного веса пенсий, стипендий и других льгот из общественных фондов потребления. Кроме того, подчеркивалось, что в бюджете колхозника в результа-

те либерализации экономики более существенно, чем в бюджетах семей работников промышленности, увеличилась доля доходов от личного подсобного хозяйства. И все это выдавалось за успех проводимых в стране реформ как показатель их ускорения.

Действительно, удельный вес выплат из общественных фондов потребления в бюджете семьи колхозника увеличился с 7 до 16 %, а в бюджете семьи работника промышленности – с 9 до 11 % [2]; с. 105–106]. До недавних пор это должно было обеспечивать сглаживание социальных различий в возможностях сельских и городских детей, пенсионеров и инвалидов, а по некоторым аспектам и всего населения. Тогда как более быстрый рост выплат из общественных фондов потребления в городе и деревне был вызван вынужденными мерами по социальной защите населения, необходимость которых появилась в связи с единовременным повышением розничных цен. Чтобы амортизировать чрезмерное обеднение населения, государство увеличило пенсии и пособия, что, кстати, не предотвратило общего снижения материального благосостояния как сельчан, так и горожан [4, л. 43, 67, 89, 165]. Поскольку в сельских семьях доля стариков и детей традиционно больше, то получилось, что удельный вес поступлений из общественных фондов потребления в семьях колхозников на 18 % превысил долю аналогичных выплат в бюджетах семей рабочих и служащих. К сожалению, эти факты нельзя выдавать за успехи перестройки, если покупательная способность доходов и у тех, и у других, и у третьих в этот же период снизилась на 14, 12 и 17 % соответственно. И все потому, что ухудшилось соотношение между выплатами из общественных фондов потребления и доходами от личного подсобного хозяйства, с одной стороны, и оплатой труда – с другой. Удельный вес общественных фондов потребления в приросте

совокупных доходов сельского населения в целом поднялся с 2 до 27 %, доля личного подсобного хозяйства – более чем вдвое.

Еще в 1990 г. соотношение между доходами от личного подсобного хозяйства и оплатой труда составляло у колхозников 1:3, а у работников совхозов – 1:5, уже в 1989 г. – 3:4 и 2:5 соответственно, поскольку связано это не с общим ростом совокупных доходов, а с резким падением значимости оплаты труда в бюджете этих семей. Если в 1985 г. на оплату труда приходилось свыше $\frac{2}{3}$ совокупного дохода колхозника, то в 1990 г. лишь 43 %. Причем снижение значимости ее на селе шло быстрее, чем в городе: во второй половине 1980-х годов рост совокупных доходов колхозника обеспечивался за счет оплаты труда на 71 %, а у рабочих и служащих на 67 %, а уже в 1983 г. на 19 % и 64 % соответственно [24; л. 54–58; 25, л. 78–81].

В 1989 г. среднемесячная оплата труда колхозника выросла в текущих ценах на 11 %, работника совхоза – на 12 %, труженика промышленности – на 17 %. В 1991 г. увеличение ее у первого составило 52 % к уровню предшествовавшего года, у второго – 42 %, у третьего – 86 %. В итоге относительный разрыв в материальном благосостоянии сельских и городских семей вновь, впервые за последние полвека, подрос на 10–11 %. Эта новая тенденция в динамике материального благосостояния сельского населения, особенно российского, рождена была непосредственно резким ухудшением финансово-экономического положения сельского хозяйства, связанным с либерализацией цен в 1983 г. Пытаясь поддержать благосостояние своих работников на более-менее приемлемом уровне, колхозы и совхозы, как и другие предприятия, увеличивали оплату труда вне связи с его конечными результатами. При вышеуказанном росте (во многом фиктивном, надо сказать, поскольку измерялся без привязки к ценам)

оплаты труда производительность его в сельском хозяйстве снизилась на 6,8 %, а в промышленности выросла лишь на 1,3 %. Поэтому к концу 1989 г. все ресурсы оплаты труда большинством предприятий были исчерпаны. В сельском хозяйстве попытались выйти из положения, возвратившись к послевоенной практике натуральной оплаты. Но и это не решило проблемы, поскольку почти весь урожай ушел в погашение кредитов и на покупку вздорожавшего горючего и запчастей. По этой причине даже в колхозах доля натуроплаты в фонде заработной платы возросла лишь с 1 % до 3 % [5, л. 7].

В итоге каждое пятое аграрное и шестое промышленное предприятие имело задолженность по зарплате. И масштабы ее месяц от месяца росли. Говоря об уровне жизни сельского населения, нельзя не отметить и такую качественно новую тенденцию в его динамике, как увеличение региональной дифференциации доходов от аграрного производства. По итогам 1990 г. сельское население шести регионов имело доход на 30–47 %, а 11 регионов – на 17–29 % выше среднего для российской деревни уровня, а пяти регионов – на 15–33 % ниже его. Доходы, например, сельского населения Дагестана составили 41 % к среднему для российской деревни уровню [6; л. 10–11].

Еще одной новой тенденцией в динамике уровня жизни сельского населения стало усиление имущественного расслоения. Оно также имеет большую историческую давность, но в недалеком прошлом его масштабы от пятилетки к пятилетке уменьшались и социальные грани размывались. Теперь же глубина имущественного расслоения стала увеличиваться. Причем как в деревне, так и в городе, но в деревне – масштабнее. Например, в 1990 г. среднедушевой доход ниже прожиточного уровня имели 35,9 % рабочих и служащих промышленности и 39 % колхозников. То, что на селе население больше

чем в городе оценивает материальное положение своей семьи по отношению к односельчанам как среднее, фиксировало не столько объективную реальность, сколько ментальность сельского населения, меньшую склонность его раскрывать свое бедственное положение. Объективные же данные свидетельствовали о том, что совокупные доходы первой децильной группы самого бедного сельского населения в 2,7 раза меньше доходов аналогичного слоя городского населения, тогда как девятая децильная группа зажиточных по уровню почти соответствует аналогичной городской имущественной страте. Деревня уступала городу, но не эта страта характеризовала качество имущественного расслоения общества, поскольку она резко оторвана от остальных и как бы стоит над обществом, а первые девять, составляющие более органичное модальное пространство его социальной организации.

Рассмотренные выше сдвиги в материальном положении сельского населения взаимосвязаны со всеми прочими компонентами его уровня жизни. И здесь прежде всего необходимо отметить неблагоприятные для него изменения в сфере труда: труд стал не только менее оплачиваемым, но и более напряженным. Если в последние полтора десятилетия число человеко-дней, ежегодно отрабатываемых в общественном производстве среднестатистическим колхозником, стабилизировалось на уровне 275–280 человеко-дней, то в 1991 г. оно увеличилось до 287 человеко-дней. А ведь одновременно возросли трудовые нагрузки этого же колхозника в личном подсобном хозяйстве и иных сферах вторичной занятости [8, л. 40].

Неблагоприятные изменения наметились в питании и удовлетворении прочих потребностей сельского населения. Причем и в этом направлении изменения в деревне были глубже, чем в городе. В 1990 г. доля расходов

на питание у рабочих и служащих промышленности увеличилась до 33 % их совокупных бюджетов, а у колхозников – до 37 % [21; с. 105–106]. И это при том, что из-за ухудшения ассортимента и качества продуктов калорийность питания у них снизилась до уровня 1940–1950-х годов с 3200 до 2400 калорий. И поскольку совокупные доходы аграрных работников уменьшились, то и доля расходов на покупку непродовольственных товаров снизилась.

Но, пожалуй, наиболее разительные перемены произошли в бытовом обслуживании сельского населения. Все последние десятилетия велась упорная борьба за переход его от самообслуживания к употреблению услуг, и вот теперь, когда такая потребность у большей части жителей деревни была сформирована, создавались условия для вынужденного возврата их к самообслуживанию. Этому явлению есть две причины. Во-первых, реформа ценообразования породила резкий скачок тарифов на бытовые услуги, и они стали большинству сельчан не по карману. Во-вторых, спад спроса на услуги сделал функционирование заведений бытового обслуживания в малых и средних деревнях нерентабельным, и эти заведения ликвидировались, а расположенные в райцентрах и крупных поселениях комбинаты бытового обслуживания из-за расстройств работы пассажирского транспорта для жителей глубинки стали почти недоступными. По данным статистических обследований, физический объем бытовых услуг сократился на селе в 1990 г. по разным видам обслуживания в 1,5–3 раза [12, л. 3]. В городе он тоже уменьшился, но здесь не сказывалась вторая причина – ухудшение доступности, поэтому сокращение было меньше. Так, если в 1991 г. в семейных бюджетах колхозников расходы на оплату услуг составляли к уровню их у работников промышленности 45 %, то в 1989 г. – только 41 %. А поскольку величина семейных

бюджетов колхозников меньше и снижение ее оказалось большим, то разрыв в душевом потреблении бытовых услуг колхозников и работников промышленности увеличился с 1,5 до 2,5 раза. Произошедшие в 1987–1988 годах негативные изменения в материальном благосостоянии сельского населения доступной нам официальной статистикой просто-напросто не фиксировались. Однако эти изменения достаточно определенно характеризовали ответы опрашиваемой выборочной совокупности сельских жителей на традиционные вопросы социологических анкет [30; с. 114–115].

Несмотря на то что опрос 1987 г. проводился в Нечерноземной зоне, сельская социальная инфраструктура которой справедливо считалась наиболее отсталой не только в России, но и в СССР, в выборку мониторинга вошли и такие развитые в этом отношении районы, как Черноземный центр, Северный Кавказ, Поволжье и т. д. По данным мониторингового исследования, почти половина сельского населения находилась в состоянии бедности, а каждый восьмой-девятый испытывал крайнюю степень нищеты, когда средств не хватало даже на нормальное питание. Все это свидетельствует о том, что новое качество динамики уровня жизни аграрного населения России обретает все более и более негативный характер. От месяца к месяцу появлялось все больше свидетельств и доказательств (в виде нарастающего шквала писем в газеты и органы социального обеспечения с просьбой о материальной помощи) тому, что под воздействием проводимых реформ социальная сфера российского села неотвратимо вползает в кризисное состояние.

Дополнительные доказательства сползания социальной сферы села в кризис дает анализ состояния его культурно-бытовой и инженерной инфраструктуры. В преамбуле принятого съездом народных депута-

тов России Закона Российской Федерации "О социальном развитии села" (Закон РСФСР от 21 декабря 1990 г. № 438-1 (в ред. Закона Российской Федерации от 28.04.1993 № 4888-1), исходя из того, что только для содержания сельского соцкультбыта требовалось 40 миллиардов рублей (в ценах 1990 г.) и что самому сельскому хозяйству такие расходы были непосильны, предусматривалось, что эти расходы будут компенсироваться колхозам и совхозам из республиканского бюджета.

Кроме того, в целях сближения благосостояния села с городским предполагались солидные инвестиции в модернизацию и ускоренное развитие его социально-инфраструктурного комплекса. В 1991 г. пришлось констатировать, что ни Продовольственная программа, ни Закон Российской Федерации "О социальном развитии села", ни постановления российского правительства не выполнялись. В 1991 г. на социальное развитие села была направлена более чем скромная сумма в 14,6 миллиарда рублей, которой (что было заведомо ясно всем специалистам и о чем они неоднократно предупреждали общество) для развертывания предусмотренных программой мер оказалось недостаточно [7; л. 38–39].

Основная тяжесть по поддержанию и развитию социальной инфраструктуры деревни легла на плечи самого сельского населения. Поскольку сельские промышленные и иные не аграрные предприятия и учреждения в этом принимали минимальное участие, ограниченное перечислением социальных налогов в государственную казну, то данные тяготы падали на сельское хозяйство и органы местного управления и самоуправления. Однако в самом сельском хозяйстве новые хозяйственные структуры в лице единоличных крестьянских хозяйств и организаций, а также фермерских предприятий освободились от налогов. Следовательно, расходы

на поддержание и развитие единого для всего сельского населения культурно-бытового инфраструктурного комплекса по-прежнему вынуждены были нести общественные хозяйства, прежде всего колхозы и совхозы. Финансовое и экономическое положение основательно было подорвано новым, небывалым в истории нашей страны диспаритетным для аграриев ценообразованием.

В результате доля направляемых в социальную сферу средств в инвестициях агропромышленного комплекса России резко упала. Если во второй половине 1980-х годов удельный вес жилищного и всякого иного непромышленного строительства в общем объеме капитальных вложений агропромышленного комплекса составлял 29 %, то в 1990 г. – 25 %, в 1991 г. 24 %, а в проекте на 1992 г. на него отводилось лишь 10 % инвестиций. И это при том, что сама масса капиталовложений российского агропромышленного комплекса в начале 1990-х годов значительно уменьшилась [28, л. 110].

Что касается органов местного самоуправления, то финансово-материальная база их была еще более слабая, чем у сельхозпредприятий. Земельный налог должен был полностью перечисляться в вышестоящие органы, основным источником местных доходов стал подоходный налог с граждан, а он последовательно сокращался по мере отмеченного нами ранее уменьшения оплаты труда аграрных работников и роста невыплат заработной платы. К этому надо добавить, что в результате ценовой реформы резко подскочили цены на строительные материалы и строительные тарифы. Поэтому колхозы и совхозы все чаще стали практиковать хозяйственный способ как производственного, так и непромышленного строительства. И естественно, что, консервируя до лучших времен из-за нехватки финансово-материальных ресурсов многие свои стройки, колхозы и совхозы приоста-

навливали строительство в первую очередь объектов непромышленного характера. Вследствие всего этого лишались, естественно, заказов с их стороны лесопилки и цементные заводы, межхозяйственные и государственные строительные и другие специализированные сервисные организации.

В итоге созданная в послевоенные годы большим трудом и с немалыми затратами со стороны не только государства, но и колхозов и совхозов мощная инженерно-техническая база технологической модернизации отечественного аграрного производства и социального развития села оказалась невостребованной, убыточной и потому разваливалась. Неудивительно, что "программа возрождения российской деревни" начала с первых же шагов по ее реализации буксовать. По большинству запланированных правительством позиций социально-инфраструктурное строительство на селе провалилось [11; л. 3–9]. Наиболее благополучно было в 1990 г. с выполнением плана по завершению строительства и вводу общеобразовательных школ. Но очевидно, что это те стройки, которые были начаты в прошлые годы, а вот нулевой цикл под школьные новостройки будущего в 1991 г. почти не осуществлялся. Аналогично тепловые сети достраивались под ранее введенные стройки, а на перспективу подготовка к их проводке практически не осуществлялась. Об этом свидетельствует нижеследующий краткий обзор ситуации по каждой из наиболее значимых социально-инфраструктурных позиций.

Начнем с жилья. На первый взгляд, остроты с ним на селе в 1991 г. не было: обеспеченность им сельского населения выше, чем городского – 18 и 16 квадратных метров общей площади на человека. Но следует учитывать качество жилья и структуру его пользователей. Около 2/3 сельских жилищ – это традиционная деревенская

изба 5 x 5 или 6 x 6 квадратных метров, половину которой занимает русская печь, в которой живет одна старушка, реже – двое стариков. Во многих прочих домах, в том числе с квартирами городского типа, наиболее приспособленное для приготовления корма личному скоту печное отопление также занимает солидную часть площади. Это существенно снижает реальный размер, приходящийся на человеческую душу жилплощади. Значительно сказывались на реальном обеспечении сельского населения жильем его межрегиональные и внутри региональные различия, и прежде всего то, что свыше 600 тысяч деревенских домов в сельской глубинке – это пустующее жилье. В целом оно составляло 7%, а в нечерноземных областях – от 20 до 32% общего жилого фонда. Обеспеченность жителей центральных усадеб и крупных сел в 3–4 раза меньше, чем в мелких и отдаленных деревнях, и были целые регионы, где она и в среднем по сельской местности составляла всего 8–9 квадратных метров на человека. Очевидно, что при такой ситуации строительство сельского жилья оставалось насущной проблемой, между тем решение ее было пущено на самотек. Общий объем жилищного строительства на селе в 1989 г. сократился. Существенно снизился объем индивидуального сельского жилищного строительства. Причиной тому стал уже упоминавшийся рост цен на стройматериалы. В итоге доля индивидуального жилищного строительства в общем объеме его снизилась до 23%. В совокупности оба эти явления привели к тому, что характерная для всех послевоенных лет тенденция постоянного увеличения сельского жилищного фонда сменилась противоположной: в 1991 г. общий жилой фонд деревни сократился на 0,8%.

Другой традиционной бедой российской деревни являлось бездорожье. Автодорог с твердым покрытием в России на 100 квадратных километров в 2 и в 3–4 раза мень-

ше, чем в Белоруссии и прибалтийских странах, не говоря о западноевропейском зарубежье. С 1970 по 1985 годы в результате предпринятых значительных усилий со стороны государства, колхозов и совхозов темпы дорожного строительства на селе и развития пассажирского транспорта заметно ускорились. Но и здесь наметился неблагоприятный поворот позитивной тенденции.

Общезначимой и проблемной для всего сельского населения являлась ситуация со здравоохранением. Система его складывалась в российской деревне долго и мучительно трудно. Многие еще надо было сделать, чтобы подтянуть сельское здравоохранение к уровню городского, еще больше – чтобы сделать его беспроблемным.

Еще хуже ситуация была с дошкольными учреждениями. Если школа еще только жила в ожидании сложностей платного обучения, то дошкольная система уже пострадала от платного воспитания. Плата за содержание детей повысилась до 700–800 рублей, что намного больше средней оплаты труда почти 40 % аграрных работников. Поэтому многим молодым родителям она была непосильна. Количество дошкольных учреждений на селе сокращалось, общее число мест в них уменьшилось за 1988–1990 годы на 12 %, а обеспеченность ими детей – с 64 до 57 % [9; л. 2–7]. Во многих регионах для того чтобы снизить плату за содержание детей, сокращали персонал и укрупняли возрастные детские группы, что негативно сказывалось на подготовке детей к школе, создало условия для роста их заболеваемости.

Аналогичный переход от прогресса к регрессу был характерен и для других заведений и учреждений инфраструктурного обеспечения социально-культурного бытия российской деревни – связи, торговли, общественного питания и т. д., что, естественно, сказалось и на соответствующих сферах сельской жизни.

Рассмотрим, как оценивали сами сельские жители изменения в материальных условиях их повседневного бытия в ноябре – декабре 1991 года. Наиболее сдержанно оценивали в деревне изменения в жилищных условиях, и это объяснялось, во-первых, повышением уровня смертности и снижением уровня рождаемости в деревне, во-вторых, все более интенсивным оттоком сельчан в города, в результате чего и улучшились жилищные условия оставшихся. Особенно тревожными являлись факты уменьшения времени, отводимого сельчанами самообразованию, чтению, физической культуре и спорту, участию в культурно-художественной самодеятельности. Первые плоды этого уже начинали проявляться, впервые в российской истории здоровье призывников из деревни в ряде регионов оказалось хуже, чем у их городских сверстников. Еще более тревожны были оценки сельскими жителями изменений в их экономическом благосостоянии. Менее 2% считали, что их материальное положение в последние два-три года улучшилось, еще 17% полагали, что оно если и улучшилось, то незначительно, 25% считали, что никаких изменений у них в этом плане не произошло. Негативизм этой оценки усиливался общим непринятием проводимой М. С. Горбачевым аграрной политики. Народ жаловался, что не понимает обрушиваемую на их голову информацию, поскольку в ней "ни словечка русского", и подозревает, что это делается намеренно, чтобы скрыть от людей нечто ужасное, что ухудшит их положение. В росте цен на промышленные товары и услуги и в сдерживании их на продаваемую государству аграрную продукцию люди не без оснований подозревали начало создания новой системы перекачки средств из деревни в город, притом не в общенародных интересах, а для обогащения новых богачей. При всех возмущениях настроение людей име-

ло пессимистический характер: 83 % заявили о том, что от них "ничего не зависит", и редко кто выражал намерение активно противодействовать политике и практике, ухудшающей их существование [18; с. 14–16]. В этих фактах отражены, с одной стороны, общая крайне тревожная оценка второй фазы горбачевской перестройки. С другой стороны, бессильная растерянность села, неверие в то, что правители и государство не предадут его интересы, и отсутствие готовности сельских тружеников активно постоять за себя.

Растерянность охватила и руководящую верхушку КПСС. Она шла от утраты ею четкости социалистической ориентации в аграрно-крестьянском вопросе, марксистско-ленинского, то есть социально-классового понимания его сути. Его заменили судорожные поиски популистских решений этого вопроса, в подтексте которых лежало сокровенное желание не столько решить проблемы, сколько сохранить под собой руководящие кресла и гарантируемые ими привилегии [22; л. 12–14, 15–17].

Это ясно показал социологический опрос делегатов – участников секции XXVIII съезда КПСС "Аграрная политика партии" [14; с. 114–123]. Материалы социологических опросов делегатов-аграрников XXVIII съезда КПСС позволяют представить мнение сельской элиты того времени о путях развития сельского хозяйства¹. Делегаты XXVIII съезда КПСС не могли обойти актуализирующую проблему роста социальной дифференциации современной советской деревни, но, уподобляясь страусам, всячески сглаживали не только ее остроту, но и социально-политическую сущность. Искренне переживая сложившееся в деревне положение, о чем свидетельствовало

¹ Социологический опрос участников аграрной секции был проведен Академией общественных наук при ЦК КПСС (руководитель проф. Ж. Т. Тощенко). На основе анкет Д. Х. Ибрагимовой была создана база данных, при анализе содержания которой были использованы математические методы.

то, что из всех вопросов о социально-экономическом положении 2/3 непосредственно касались причин бедности основной массы крестьянства, делегаты-аграрники XXVIII съезда подходили к решению этой проблемы комплексно. В отличие от них делегаты-либералы весь свой гнев направили на административные методы руководства сельским хозяйством, не замечая даже не только крайнюю односторонность своей позиции, но и то, что она своим острием направлена против колхозно-совхозного строя, объявляемого либеральными демократами детищем таких методов руководства, а также против партийно-государственного руководства экономикой вообще, что логично обосновывает необходимость перехода нашей страны от плановой социалистической к либеральной, капиталистической экономике. Примечательно, что наибольшую тревогу политической стороной сложившейся ситуации выражали делегаты из рядовых колхозников и рабочих совхозов. В 40 % их выступлений захватывались вопросы политического характера, тогда как у политиков лишь в 19 %, а у высших руководителей партии и государства в 2,4 % выступлений [33; 311–389].

Заключение

Итак, середина 1980-х гг. ознаменована началом нового этапа в жизни в СССР, получившего название "перестройка". В ходе перестройки была предпринята попытка осознать аграрную проблему во всей ее полноте и противоречивости. Предложенная идеология реформирования связывалась с изменением условий хозяйствования на селе, но она фактически не получила должной поддержки. В ходе "перестройки" кардинальных перемен не произошло ни в экономике в целом, ни в аграрном секторе в частности. Немногочисленные, весьма ограниченные призывы "расширить самостоятельность колхо-

зов и совхозов, поднять их заинтересованность, ответственность за конечные результаты" остались во многом декларациями.

Между тем реформы создали предпосылки для такой резкой социальной дифференциации деревни, что если бы не были выработаны сглаживающие ее механизмы, то уже в ближайшие годы могли произойти острые социально-классовые, региональные и этнополитические конфликты.

Законодательные акты СССР в сфере земельно-правовых отношений, принятые во второй половине 1980-х годов, имели прогрессивный характер. Так, в 1986 г. принят Закон СССР "Об индивидуальной трудовой деятельности" (Закон СССР от 19 ноября 1986 г. (в ред. Указа Президиума ВС СССР от 14.03.1988 № 8614-XI, с изм., внесенными Постановлением ВС РСФСР от 25.12.1990 № 446-1), давший толчок последующей либерализации советской экономики. Шагом по пути разгосударствления земли явилось утверждение в 1989 г. "Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде" (утв. Верховным Советом СССР 23 ноября 1989 г. № 810-1). В 1987 г. принят Закон СССР "О государственном предприятии (объединении)", наделивший трудовые коллективы полномочиями по распоряжению прибылью, заработанной на государственных предприятиях. В 1988 г. принят Закон СССР "О кооперации в СССР".

В то же время идеологические догмы не позволили союзной правящей элите пойти дальше закрепления норм об аренде земли, а также тезисов о том, что земля может находиться в пожизненном наследуемом владении. Главная идея оставалась прежней – земля является общенародным достоянием и не может быть предметом купли-продажи. Такой подход вошел в противоречие с концепцией, которой придерживалась правящая элита

РСФСР, которая полагала, что страна должна двигаться по пути рыночных отношений. После XXVII съезда КПСС и последовавшего за ним раскола законы СССР стали отражать консервативную модель, законы РСФСР – либеральную модель социально-экономического развития. Перестройка остро обозначила потребность в новом типе хозяйствующего субъекта, а последовавшие вскоре события в корне изменили ситуацию, в том числе и в аграрной сфере.

Список литературы

1. Абалкин Л. И. Экономическая история СССР. – М.: ИНФРА-М, 2007. – 496 с.
2. Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. – М.: Издательство "Политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2006. – 250 с.
3. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. В 7-ми томах. – М.: Изд-во политической литературы ("Политиздат"), 1987-1990.: Т. I. – М.: Изд-во политической литературы ("Политиздат"), 1987. – 463 с.
4. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 162. Д. 174. 246 л.
5. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 162. Д. 559. 15 л.
6. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 162. Д. 1779. 109 л.
7. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 162. Д. 1781. 39 л.
8. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 162. Д. 1782. 127 л.
9. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 162. Д. 1783. 26 л.
10. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 162. Д. 1794. 62 л.
11. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 163. Д. 1002. 38 л.
12. ГАРФ. Ф. Р5446. Оп. 163. Д. 1054. 16 л.
13. Заиграев Г. Г. Просчеты лобовой атаки, или почему потерпела неудачу антиалкогольная кампания // Вестник Академии наук. – 1991. – № 8. – С. 25–39.
14. Ибрагимова Д. Х. НЭП и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. – М.: Памятники исторической мысли, 1997. – 220 с.
15. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). В 16-ти томах / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – 9-е изд., доп и испр. – М.: Издательство политической литературы ("Политиздат"), 1983–1990.: Т. XI. – М.: Издательство политической литературы ("Политиздат"), 1986. – 573 с.
16. Лапин Н. И. Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. Социология. Этнология. – 1992. – Т. I. – № 1. – С. 5–37.
17. Медведев Р. А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. – М.: Изд-во "Новости", 1991. – 336 с.
18. Народное хозяйство СССР в 1989 г. Стат. ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 766 с.
19. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Стат. ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 752 с.
20. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 22. Д. 69. 89 л.
21. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 70. Д. 7839. 187 л.
22. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 70. Д. 7907. 111 л.
23. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 70. Д. 7965. 180 л.
24. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 70. Д. 8506. 25 л.

25. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 70. Д. 8563. 26 л.
26. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 70. Д. 8676. 113 л.
27. Славкина М. В. Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960 – 1980-е годы. – М.: Наука, 2002. – 221 с.
28. Староверов В. И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 109–130.
29. Шубин А. В. Золотая осень или период застоя. СССР в 1975 – 1985 гг. – М.: Вече, 2005. – 368 с.
30. Яншин А. Л., Мелуа А. И. Уроки экологических просчетов. – М.: Мысль, 1991. – 429 с.
31. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г. Стенографический отчет. В 7-ми томах. – М.: Издательство политической литературы ("Политиздат"), 1990–1991. Т. IV. Кн. 1. – 601 с.

References

1. Abalkin, L. I. (2007) *Ekonomicheskaya istoriya SSSR* [Economic History of the USSR]. Moscow: INFRA-M. (In Russian).
2. Gaydar, E. T. (2006) *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoj Rossii* [The Demise of the Empire. Lessons for modern Russia]. Moscow: Izdatel'stvo "Politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN). (In Russian).
3. Gorbachev, M. S. (1987) *Izbrannye rechi i stat'i: v 7 t. T. I* [Selected Speeches and Articles: in 7 vols. Vol. I]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury ("Politizdat"). (In Russian).
4. GARF (SARF). F. P5446. Op. 162. D. 174. (In Russian).
5. GARF (SARF). F. P5446. Op. 162. D. 559. (In Russian).
6. GARF (SARF). F. P5446. Op. 162. D. 1779. (In Russian).
7. GARF (SARF). F. P5446. Op. 162. D. 1781. (In Russian).
8. GARF (SARF). F. P5446. Op. 162. D. 1782. (In Russian).
9. GARF (SARF). F. P5446 Op. 162. D. 1783. (In Russian).
10. GARF (SARF). F. P5446. Op. 162. D. 1794. (In Russian).
11. GARF (SARF). F. P5446. Op. 163. D. 1002. (In Russian).
12. GARF (SARF). F. P5446. Op. 163. D. 1054. (In Russian).
13. Zaigraev, G. G. (1991) Proschety lobovoj ataki, ili pochemu poterpela neudachu antialkogol'naya kampaniya [Miscalculation of the Frontal Attack, or Why the Anti-alcohol Campaign Failed]. *Vestnik Akademii Nauk – Journal of Academy of Sciences*. No. 8. Pp. 25–39. (In Russian).
14. Ibragimova, D. H. (1997) *Nep I perestrojka. Massovoe soznanie sel'skogo naseleniya v usloviyah perekhoda k rynku* [New Economic Policy and Perestrojka. Mass Conscience of Rural Population in the Terms of Transition to the Market]. Moscow: Pamyatniki istoricheskij mysli. (In Russian).
15. Egorov, A. G. Bogolyubov K.M. (1986) (eds.) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyah i resheniyah s'ezdov, konferentsij i plenumov CK (1898 – 1988): v 16 t. 9-e izd. T. XI* [Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of the Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee: in 16 vols. ed. 9. Vol. XI]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury ("Politizdat"). (In Russian).
16. Lapin, N. I. (1992) Tyazhkie godiny Rossii (perelom istorii, krizis, cennosti, perspektivy) [The Grave Years of Russia (the Turning Point of History, Crisis, Values, Visions)]. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya. – World of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. I. No 1. Pp. 5–37. (In Russian).
17. Medvedev, R. A. (1991) *Lichnost' i epoha. Politicheskij portret L. I. Brezhneva* [Personality and Epoch. Political Portrait of L. I. Brezhnev]. Moscow: Izd-vo "Novosti". (In Russian).
18. Statistical Yearbook (1990) *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1989 g.* [National Economy of the USSR in 1989]. Moscow: Finansy i statistika. (In Russian).
19. Statistical Yearbook (1991) *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1990 g.* [National Economy of the USSR in 1990.]. Moscow: Finansy i statistika. (In Russian).
20. *RCANI* (RSAMH). F. 89. Op. 22. D. 69. (In Russian).
21. *RGAE* (RSAE). F. 1562. Op. 70. D. 7839. (In Russian).
22. *RGAE* (RSAE). F. 1562. Op. 70. D. 7907. (In Russian).
23. *RGAE* (RSAE). F. 1562. Op. 70. D. 7965. (In Russian).

24. *RGAE* (RSAE). F. 1562. Op. 70. D. 8506. (In Russian).
25. *RGAE* (RSAE). F. 1562. Op. 70. D. 8563. (In Russian).
26. *RGAE* (RSAE). F. 1562 Op. 70. D. 8676. (In Russian).
27. Slavkina, M. V. (2002) *Triumf i tragediya: Razvitie neftegazovogo kompleksa SSSR v 1960 – 1980-e gody* [Triumph and Tragedy: Development of the USSR Oil and Gas Complex in 1960s – 1980s]. Moscow: Nauka. (In Russian).
28. Staroverov, V. I. (2004) Rezul'taty liberal'noj modernizatsii rossijskoj derevni [Results of the Liberal Modernization of Russian Rural Areas]. *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological research*. No. 12. Pp. 109–130. (In Russian).
29. Shubin, A. V. (2005) *Zolotaya osen' ili period zastoya. SSSR v 1975–1985 gg.* [Golden Autumn or a Period of Stagnation. USSR in 1975–1985]. Moscow: Veche. (In Russian).
30. Yanshin, A. L. Melua, A. I. (1991) *Uroki ekologicheskikh proshchetov* [Lessons from Environmental Errors]. Moscow: Mysl'. (In Russian).
31. XXVIII s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz, 2–13 iyulya 1990 g. (1990–1991) [The 28th Congress of the Communist Party of the Soviet Union, July 2–13, 1990]. *Stenograficheskij otchet: v 7 t. T. IV. Kniga. 1* [Verbatim Record: in 7 vols. Vol. IV. Book 1]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury ("Politizdat"). (In Russian).

Об авторе

Козлов Сергей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-3170-3502, e-mail: kss53@yandex.ru.

About the author

Sergey S. Kozlov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-3170-3502, e-mail: kss53@yandex.ru.

Поступила в редакцию: 03.04.2023

Received: 03 April 2023

Принята к публикации: 14.05.2023

Accepted: 14 May 2023

Опубликована: 30.06.2023

Published: 30 June 2023